

Носилов Константин Дмитриевич

Таня Логай

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К65

К65   **Константин Дмитриевич Н.**
Таня Логай / Носилов Константин Дмитриевич – М.: Книга по Требованию,
2026. – 36 с.

ISBN 978-5-521-25716-4

ISBN 978-5-521-25716-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ТАНЯ ЛОГАЙ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО СѢВЕРУ.

I.

На Новой Землѣ у меня есть одна знакомая самоѣдская дѣвушка, которая, будучи тринадцати лѣтъ, уже была бѣлыхъ медвѣдей.

Эту замѣчательную дѣвушку всѣ знаютъ на этомъ полярномъ островѣ; зовутъ ее Таня Логай.

Въ первый разъ я съ ней познакомился зимой 1887 года.

Однажды въ зимній коротенькій денекъ, когда вмѣсто солнечнаго свѣта въ замерзшія окна заглядывали къ намъ полярныя сумерки, а на дворѣ шелъ снѣгъ, мы вдругъ услышали подъ окнами нашей зимовки громкій лай цѣлой стаи собакъ. Это было вѣрнымъ признакомъ, что пріѣхалъ къ намъ кто-нибудь изъ самоѣдовъ.

Дѣйствительно, черезъ какую-нибудь минуту, вмѣстѣ съ облакомъ холоднаго пара, вошелъ къ намъ въ комнату, весь въ снѣгу, въ широкой, мохнатой

оленьей малицѣ-шубѣ, съ громадной, пришитой къ ней шапкой, маленькій, юркій, веселый самоѣдъ Логай.

Онъ зимовалъ отъ нашей колоніи верстахъ въ двадцати, на берегу одного широкаго залива, гдѣ стояла его маленькая избушка, и мы тотчасъ же догадались, что онъ пріѣхалъ къ намъ въ такую погоду по какому-нибудь важному дѣлу.

Съ трудомъ освободившись отъ своего теплаго костюма, въ которомъ можно рѣшиться заночевать въ какой угодно морозъ, прямо на снѣгу, онъ намъ сообщилъ новость: у него родился недавно сыночекъ, и вотъ теперь онъ пріѣхалъ просить батюшку-миссіонера окрестить ребенка, а меня—быть кумомъ.

Я очень былъ радъ такому приглашенію и спросилъ,—кто будетъ моей кумой?

Логай помялся немного и, сказавъ, что достать куму со стороны очень трудно, предложилъ за нимѣніемъ другой свою дочь, Таню.

Я давно уже, съ самаго пріѣзда на островъ, слышалъ объ этой замѣчательной дѣвушкѣ, и, самъ будучи страстнымъ охотникомъ, радъ былъ покурить съ маленькой охотницей-самоѣдкой.

Угостивъ нашего гостя чаемъ, мы съ батюшкой собрались вечеромъ въ путь, потеплѣе закутавшись въ самоѣдскія шубы. На дворѣ стоялъ морозъ, и къ тому же съ утра порошило снѣгомъ, и пробѣгали вихри, поднимая и крутя въ воздухѣ снѣжную пыль. Около дверей насъ уже съ нетерпѣніемъ поджидала пара низенькихъ, самоѣдскихъ санокъ,

въ которыя было запряжено по цѣлому десятку разношерстныхъ самоѣдскихъ собакъ. Онѣ нетерпѣливо потягивали, старались освободиться отъ легкихъ ремешковъ-лямочекъ, которыми ихъ привязали къ санкамъ съ надѣтыми на шси петлями, что-то въ родѣ хомутовъ, и были очень рады сорваться съ мѣста, какъ только ихъ вожакъ взялъ длинныя «хореи» — палки и предложили намъ сѣсть и покрѣпче держаться. Мы сѣли, закутались и, при оглушительномъ лаѣ собакъ, которыя отъ радости чуть не передрались, быстро скользнули изъ колоніи на ледъ залива и понеслись, прыгая по изрытому вѣтромъ твердому снѣгу, вдоль высокихъ, скалистыхъ береговъ моря.

Я очень люблю ѣзду на собакахъ. Маленькія, длинныя, низенькія саночки, десятокъ разношерстныхъ, пушистыхъ, съ загнутыми на спину хвостами собачекъ, которыя такъ забавно вытянутся на ходу во весь ростъ, приподнимутъ веселыя мордочки, поставятъ торчкомъ уши, ихъ поспѣшный бѣгъ, ихъ оживленіе, высунутые языки, порой на бѣгу маленькая драка,—все это дѣлаетъ поѣздку такой необычайной, такой оживленной, веселой, что ее не скоро позабудешь. Легкія санки. неслышно скользятъ по твердому, убитому вѣтромъ снѣгу, скачутъ по льду, поднимаются на берегъ, пересѣкаютъ голый, скользкій ледъ озера, рѣчки, летятъ стремглавъ подъ гору, раскатываются на поворотахъ, перепрыгиваютъ черезъ камни, слетаютъ съ сугробовъ. При всемъ этомъ не нужно забывать, что на Новой Землѣ нѣтъ не только какой-нибудь дороги, но

даже и тропы. Быстро, порой во весь собачій ошоръ песуются впереди запряженные вѣромъ собаки. Онѣ и безъ дороги хорошо знаютъ, какъ и ихъ вожакъ-самоѣдъ, куда надо держать путь; имъ совсѣмъ не тяжело тянуть за собой санки съ двумя сѣдоками и порой, когда мы пересѣкаемъ свѣжій слѣдъ песца, лисицы, имъ даже хочется попробовать догнать звѣря. Но длинный, тонкій шестъ самоѣда, которыми онъ то править, то тормазить съ горы санки, —этотъ шестъ направляетъ собакъ на настоящій путь, и онѣ, позабывъ уже песца, снова бѣгутъ впередъ, и мы неслышно несемся при слабыхъ сумеркахъ вечера въ полярной пустынѣ.

Порой, чтобы дать вздохнуть собакамъ и поправиться самимъ, обтереть отъ свѣжной пыли лицо мы останавливаемся. Собаки тогда садятся въ кружокъ, лапятся къ намъ, охорашиваютъ свои пушистыя лапки, а мы прислушиваемся, какъ шумить въ горахъ вѣтеръ, какъ стонуть въ морѣ подъ берегомъ льды, какъ треснетъ что-нибудь отъ мороза въ рѣчкѣ... Минута, и мы снова несемся дальше.

Двадцать верстъ промчались въ какихъ-нибудь полтора часа, или даже меньше, и вотъ уже мы на томъ самомъ широкомъ, пустынномъ, съ высокими свѣжными горами по бокамъ, заливѣ, гдѣ зимуетъ самоѣдъ Логай.

Вотъ впереди на низменномъ, едва видимомъ берегу мелькнулъ огонекъ. Собаки оживились и съ лаемъ бросились туда во весь духъ. Къ нимъ навстрѣчу выскочили и несутся другія, и мы, всѣ въ свѣгу, въ облакѣ свѣжной пыли, влетаемъ на бе-

регъ и прямо останавливаемся чуть не въ самыхъ сѣняхъ зимовальной избушки.

Боже, какая маленькая хижина, гдѣ живетъ этотъ самоѣдъ! Она почти вся вровень съ крышей занесена снѣгомъ, какъ стѣнами, обложена сугробами, и только крыша одна да дымовая труба, изъ которой теперь валить тихонько сѣреный дымокъ съ искрами, говорятъ о томъ, что здѣсь живутъ люди.

Черезъ цѣлый сугробъ снѣга мы скатываемся въ сѣни, вползаемъ въ избу и видимъ бѣдную обстановку жилища самоѣда. Оно всего пяти шаговъ длины; впереди видно маленькое оконце, заткнутое тряпичей; по бокамъ тянутся нары съ мягкими постелями изъ оленьихъ шкуръ. При свѣтѣ ночника, съ тюленьимъ саломъ и воткнутымъ туда лоскутомъ тряпичей, мы разглядѣли, что на нарахъ сидятъ въ рядъ въ оленьихъ, мохнатыхъ костюмахъ, съ шапочками на головахъ, пять маленькихъ ребятишекъ, которые съ любопытствомъ насъ разглядываютъ, засунувъ, разумѣется, пальцы въ ротъ; вмѣстѣ съ ними — пара молодыхъ щенятъ, которые составляютъ единственную компанію дѣтей.

Противъ нихъ въ углу топится очагъ, а передъ нимъ стоитъ жена Логая, которая такъ намъ обрадовалась, что не знаетъ, какъ и чѣмъ насъ встрѣтить. Дымъ отъ очага прямо поднимается кверху и такъ густо застилаетъ потолокъ, что его совсѣмъ не видно.

Мы съ трудомъ освободились отъ тяжелыхъ костюмовъ, и только тогда разсмотрѣли, что въ одномъ углу сидитъ, не смѣя пошевелиться, та дѣвушка,

которую мнѣ такъ давно хотѣлось видѣть, — моя будущая кума.

Таня совсѣмъ еще ребенокъ, невысокая, съ круглымъ, смуглымъ личикомъ, которое такъ красили черные глаза, застѣнчивая. Она, казалось, совсѣмъ не видала людей и была готова при первомъ-же словѣ спрятаться или убѣжать изъ дому. Но ея костюмъ былъ такъ оригиналенъ, что мы невольно засмотрѣлись. (Черезъ три-четыре года Таню выдадутъ замужъ, и ее наряжали, какъ будущую невесту). Она была одѣта въ оленій, расшитый разными цвѣтными сукнами, костюмъ, съ яркими, красными, синими, зелеными, желтыми ленточками, которые торчали повсюду среди шерсти, съ замысловатыми узорами изъ разноцвѣтныхъ шкурокъ по подолу. Ея косы были такъ унизаны разноцвѣтными бусами, колечками, даже какими-то мѣдными пряжками, составляющими, несомнѣнно, драгоценность для самоѣда. Мы такъ засмотрѣлись на оригинальный нарядъ, что не могли отвести глазъ. Дѣвушка, разумѣется, еще больше отъ этого стѣснялась. Но къ ея счастью, въ избу вошелъ ея отецъ, зажегъ привезенную отъ насъ свѣчку и сталъ приготавливать все для крестинъ ребенка.

Зажгли передъ страшно законченной иконой восковая свѣчи, поставили среди пола купель; избушка весело освѣтилась, и началось крещение, во время котораго мы съ кумой, стоя рядомъ, порой не знали, что нужно дѣлать, какъ держать голенькаго въ пеленкахъ ребеночка, боясь его уронить, и только прислушивались, что читалъ нашъ

батюшка. Крещеніе кончилось, насъ поздравили, и моя кума скрылась опять въ свой темный уголъ.

Теперь насъ стали угощать, какъ гостей. Намъ сварили уху изъ лососей, которыхъ старшій братъ кумы наканунѣ наловилъ съ ней въ ближайшемъ озерѣ, угостили копченымъ оленьимъ мясомъ, которое намъ очень понравилось послѣ дороги и мороза, и мы стали спрашивать самоѣдовъ, какъ они живутъ. Уже по самой обстановкѣ можно было судить, что Логай живетъ не богато, какъ и большинство самоѣдовъ, но зато ихъ жизнь была такъ разнообразна, такъ оживленна, благодаря охотѣ, что я даже и теперь промѣнялъ бы свою на ихнюю, хотя бы и на короткое время.

Какъ только выдастся тихій, безъ вѣтра, денекъ, Логай съ сыномъ, а въ другой разъ и съ моею кумой, отправляются на морской ледъ залива, къ ближайшей полыньѣ, гдѣ такъ часто показываются любопытные тюлени.

Охотники становятся вдоль края полыни, прячутся за высокія льдины и ждутъ, когда на гладкой поверхности незастывшей полыни покажется любопытная голова тюленя. Этотъ житель полярныхъ льдовъ очень любопытенъ, и стоитъ только ему замѣтить на льду человѣка, стоитъ ему только слышать его шаги, какъ онъ уже появляется изъ-подъ воды, вытягиваетъ свою круглую голову и, если человѣкъ его не пугаетъ, а еще прячется и свиститъ, то любопытство и смѣлость тюленя доходятъ до того, что онъ подплываетъ къ самому краю льда, еще болѣе вытягиваетъ толстую шею, еще

смѣлѣе вглядывается, кто спрятался тамъ за льдиной, пока въ его голову не ударить пуля, и онъ, опрокинувшись навзничъ, затрепещется весь на минуту и потомъ всплываетъ уже трупомъ.

Тогда поспѣшно сталкиваютъ маленькую промысловую лодочку, плывутъ къ тюленю вывозить его на ледъ, тутъ же обдираютъ лоснящуюся, пеструю шкуру, а мясо бросаютъ собакамъ. (Тюленью кожу хорошо знаютъ школьники,—изъ нея дѣлаютъ ранцы.)

Порой Логай съ дѣтьми ѣздитъ въ горы, гдѣ бродятъ олени, разыскивая бѣлый, вкусный мохъ среди розсыпей горъ: здѣсь его не такъ глубоко заноситъ снѣгомъ, какъ въ долинахъ. Высмотрѣвъ оленей, охотники подползаютъ къ нимъ на выстрѣлъ изъ-подъ вѣтра и стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей. Перепуганныя животныя бросаются въ сторону и исчезаютъ гдѣ-нибудь за первымъ пригоркомъ, недоумѣвая, что случилось: они рѣдко видятъ, а часто вовсе не знаютъ человѣка и не слышатъ выстрѣловъ на этомъ пустынномъ полярномъ островѣ.

Въ другой разъ, когда наступитъ весенняя пора, когда выдастся тихая, лунная ночь, эти охотники ѣдутъ вдоль берега моря, объѣзжаютъ мысы, осматриваютъ заливы и ищутъ тамъ бѣлыхъ медвѣдей, которые въ это время любятъ выходить съ пловучихъ льдовъ на берегъ, любятъ бродить въ поискахъ тюленя на льду залива, любятъ кататься съ горокъ, со снѣжныхъ заносовъ, гоняться другъ за другомъ и играть. И это самая лучшая охота, самое лучшее, незамѣнимое удовольствіе, особенно если охотни-

камъ удастся подкараулить медвѣдя, догнать его на льду, спустить на него собакъ, которыя займутъ его лаемъ, заставятъ его гоняться, кружиться въ погонѣ за ними, благодаря чему охотнику легко удастся подбѣжать и пустить въ звѣря вѣрную пулю даже среди лунной ночи.

Но въ охотѣ на медвѣдя рѣдко участвуетъ Таня, хотя у нея есть свое подаренное ей отцомъ ружье-винтовка, и она отъ всей души рада была бы ѣздить на охоту, такъ какъ совсѣмъ не боится медвѣдей. Но ее не берутъ на эту охоту, потому что боятся оставить ночью на долгое время свое семейство: по ночамъ часто ходятъ по острову медвѣди, и Таня, въ случаѣ прихода незваннаго гостя, что случается далеко не рѣдко, можетъ защищать семью отъ нападенія.

Чаще всего Таня занимается охотой на песцовъ, на тѣхъ маленькихъ, бѣлыхъ, пушистыхъ лисичекъ, которыя сами прибѣгаютъ по ночамъ къ зимовкѣ, забѣгаютъ даже, случается, въ сѣни, тащатъ оттуда все, что только попадается, и нисколько не боятся ни человѣка, ни собакъ, съ которыми даже порой устраиваютъ игры.

Въ сторонѣ отъ зимовья Таня ставитъ на песцовъ капканчики, кладетъ въ нихъ для приманки кусочки тюленьяго сала. Песцы, разыскивая пищу, слышать лакомый запахъ, бѣгутъ къ приманкѣ и попадаютъ въ капканы.

Каждое утро Таня осматриваетъ эти капканы со своимъ маленькимъ, любимымъ братишкой Костей. Порой они застаютъ около капкановъ, даже при

свѣтъ дня, песцовъ, которые, повидимому, нисколько не опасаясь людей, ни за что не хотятъ бѣжать въ горы безъ своихъ товарищей, тоскливо сидящихъ въ капканахъ съ прижатыми холоднымъ желѣзомъ лапками.

Такъ какъ песцы кусаются слабо, а часто и совсемъ не сопротивляются, позволяя себя взять въ руки, то Таня беретъ ихъ рукавицей за шею, освобождаетъ ихъ, при помощи брата, изъ капкановъ и идетъ обратно домой съ живой ношей, которой такъ всегда бываютъ рады ея братишки: для нихъ забава съ песцами — любимое дѣло.

Случается, что нѣкоторые изъ молодыхъ песцовъ такъ привыкають къ людямъ, что приживаются, какъ собаки, бѣгаютъ по хатѣ, играютъ со щенятами и спятъ вмѣстѣ съ своими маленькими хозяевами, даже не думая о свободѣ, гдѣ и холодно и голодно въ зимнее время. Другіе, быть-можетъ, и убѣжали бы снова на волю, но такъ страшно боятся собакъ, что не смѣють даже сунуть носа въ сѣни.

Одного изъ такихъ любимцевъ показала намъ кума, во время нашего разговора съ нею. Она его съ трудомъ разыскала за печкой, куда онъ, вѣроятно, со страху при появленіи незнакомыхъ людей забрался. Звѣрокъ былъ такъ выпачканъ въ пыли и грязи, что его бѣлоснѣжная шкура и пушистый лисій хвостъ скорѣе походили на цвѣтъ сѣраго зайца. Онъ любопытно смотрѣлъ на насъ карими, веселыми глазами, тянулся изъ рукъ и, когда мы дали ему кусочекъ вареной говядины, жадно схватилъ его и заковылялъ, сгорбившись по-дику,